

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 140–145

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 140–145

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-94+929Толстой

Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого**Г. В. Токарев**

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, д. 125

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. В статье верифицирована гипотеза о том, что дневник Л. Н. Толстого имеет форму скрытого диалога пишущего с различными субъектами: с самим собой, с третьими лицами, с Богом. Диалог осмыслен как форма развития индивида. Определено, что дневник Л. Н. Толстого представляет собой программу самосовершенствования, которая осуществлялась путём целеполагания и самооценки. В традиционном восприятии дневникового жанра записи толкуются как форма автокоммуникации, осуществляемой в целях самоидентификации личности. Выявлено, что форма диалога с самим собой в некоторых случаях доходит до фазы номинативного расщепления личности. Пишущий определяет себя как третье лицо: Толстой, Лев Николаевич и др. Диалог с самим собой заключается в оценивании своих действий, порицании, поучении, целеполагании, является одной из форм саморазвития.

Установлено, что Толстой рассматривал дневник и как форму коммуникации с третьими лицами, читателями своих записей. Дневниковые записи этого вида направлены на моделирование поведения читателей дневника.

Ещё одним видом коммуникации выступает диалог с Богом. Толстой записывает множество молитв, обращений к Богу, думает о Боге, размышляет вместе с ним. Он уходит от идиоматичного текста молитвы. Общение с Богом становится интимным, содержащим просьбу о помощи в нравственном самосовершенствовании. Семантической доминантой молитвы является добро, польза для других. Толстой исключает из молитвы то, с чем обычно обращаются люди к Богу – конкретные просьбы о материальных благах.

Дневник Л. Н. Толстого представляет собой неоднородное жанровое образование, что обусловлено целями записей. Пишущий расширяет функции дневника. Эта особенность определяет выбор коммуникативных тактик, стилистику дневника. Дневник Толстого представляет собой полижанровое образование, включающее в себя такие субжанры, как хроника, объяснение, молитва, рассуждение, упрек, обвинение и др.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, автокоммуникация, жанр, дневник, Толстой, самоидентификация

Для цитирования: Токарев Г. В. Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 140–145. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dialogue basis of Leo Tolstoy's diary**G. V. Tokarev**

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina Ave., 300026 Tula, Russia

Grigoriy V. Tokarev, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article verifies the hypothesis that Leo Tolstoy's diary has the form of a hidden dialogue of the writer with various subjects: with himself, with third parties, with God. Dialogue is understood as a form of individual development. The article determines that Leo Tolstoy's diary represents a program of self-improvement,

which is achieved through goal-setting and self-assessment. In the traditional perception of the diary genre, entries are interpreted as a form of autocommunication, carried out for the purpose of self-identification of the individual. The paper reveals that the form of the dialogue with oneself in some cases reaches the phase of the nominative multiple personality disorder. The writer defines himself as a third person: Tolstoy, Lev Nikolaevich, etc. The dialogue with oneself consists in evaluating one's own actions, dispraising, moralizing, and goal-setting, and is one of the forms of self-development.

The article establishes that Tolstoy looks upon the diary as a form of communication with third parties – readers of his notes. Diary entries of this type are aimed at modeling the diary readers' behavior.

One more type of communication is a dialogue with God. Tolstoy writes down many prayers, appeals to God, thinks about God, reflects with Him. He moves away from the idiomatic text of the prayer. Communication with God becomes intimate, containing a request for help in moral self-improvement. The semantic dominant of prayer is the good, benefit for others. Tolstoy excludes from prayers specific requests for material goods, i.e. common requests which people turn to God with.

Leo Tolstoy's diary is a heterogeneous genre formation, that is determined by the goals of the entries. The writer extends the functions of the diary. This feature determines the choice of communication tactics, the style of the diary. Tolstoy's diary is a multi-genre formation that includes such sub-genres as a chronicle, explanation, a prayer, reasoning, reproach, accusation, etc.

Keywords: communication, dialogue, autocommunication, genre, diary, Tolstoy, self-identification

For citation: Tokarev G. V. Dialogue basis of Leo Tolstoy's diary. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 140–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конец XX – начало XXI века в филологии ознаменовались изучением полидисциплинарных объектов: *концепт, дискурс, текст* и др. Среди феноменов этого ряда особое место занимает *коммуникация*. Ю. М. Лотман выделял два вида данного процесса: субъектно-объектный и субъектно-субъектный (автокоммуникацию) [1: 172]. Второй вид исследователь определял следующим образом: «Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определённых сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит» [1: 164]. Одним из видов автокоммуникации является дневник. В современных исследованиях он трактуется как в широком (сюда включают заметки, черновики, альбомные записи), так и в узком (упорядоченные хронологически, датированные записи [2]) аспектах. Данный письменный жанр в лингвистике определяют неоднозначно: как «эго-текст» [2], «мнемоническое повествование» [3], «наивную литературу» [4] и др., подчёркивая тем самым разные аспекты исследования этого феномена. Он отражает внутреннюю жизнь человека, то, что скрыто от взора третьих лиц – мысли и чувства, переживание событий, мечты. Дневник сформировался как артефакт элитарной субкультуры, поскольку, во-первых, записывать свои мысли могли грамотные люди, во-вторых, образованная часть общества располагала временем на записи. При этом не каждый человек указанного социального слоя вёл дневник. Безусловно, на тради-

цию делать записи могли оказывать влияние идеологемы. Отдельные парадигмы культуры, например сентиментализм, романтизм, культивировали развитие данной формы общения. Ведение дневника, с одной стороны, обусловлено внутренними качествами человека, например, склонностью к рефлексии, самоанализу, с другой – воспитывают их. Данное занятие требует от личности определённой дисциплины.

В сокровищнице духовного наследия Л. Н. Толстого особое место занимает дневник. Писатель начал вести его с девятнадцатилетнего возраста, делал записи на протяжении всей жизни, в течение 63 лет. В полном собрании сочинений Л. Н. Толстого дневник занимает 13 томов.

Дневник Толстого представляет собой эволюцию взглядов этой выдающейся личности. Он выступает в роли самого точного биографа. Личность Толстого нередко характеризуют как рефлексивную, фрустрирующую, справедливость чего подтверждают дневниковые записи.

Дневник мы определяем как письменный жанр личностного дискурса, отражающий представления и чувства пишущего в хронологическом порядке. Дневник является неоднородным жанром. Это объясняется разнообразностью его содержания, что зависит от целей записей. Условно в содержательном аспекте дневники можно представить тремя видами: 1) фиксирующие фактологическую информацию, 2) отражающие мысли и чувства, 3) имеющие смешанный характер. В дневниках первого вида особое внимание уделено событию, его субъектам, времени и месту

осуществления. Дневники второго вида отражают духовное и интеллектуальное развитие человека, генезис его мировоззрения. Дневник Л. Н. Толстого относится к смешанному типу, поскольку в нём представлены оба типа контентов. Дневниковые записи имеют интеллектуально-аналитический и нравственно-эвристический характер. Применяя комплексный подход к анализу содержания дневника, мы предлагаем выделять в нём три типа текста. Во-первых, весь текст в целом. Для определения данного объекта важен фактор авторства дневника. Так, мы говорим о дневнике Л. Н. Толстого. Во-вторых, фрагмент дневника, объединённый по хронологическому принципу. Так, в дневнике Льва Николаевича можно выделить записи холостяцкого периода, первых лет после женитьбы и др. В-третьих, отдельную дневниковую запись, которая может соотноситься с различными типами речи, способами концептуализации знания. Дневниковую запись можно соотнести с различными субжанрами: фиксацией событий, оценкой чего-либо, планированием, саморефлексией, рассуждением, гибридными жанрами и др. Л. Н. Толстой вёл дневник неравномерно. В отдельные периоды прослеживается предрасположенность к тем или иным субжанрам. Так, в дневнике 1858-го года в основном фиксируются факты, в дневниках 1900-х годов более представлены рассуждения.

Основным приёмом данного исследования является семантико-прагматический комментарий дневниковых записей. Настоящее исследование построено на верификации гипотезы, что дневник Л. Н. Толстого имеет форму скрепы того диалога пишущего с различными субъектами: с самим собой, с третьими лицами, с Богом. Как убедительно доказал Ю. М. Лотман, диалог является формой развития культуры [1: 176]. Мы полагаем, что этот вывод можно экстраполировать и на отдельную личность: диалог является формой развития индивида. Дневник Л. Н. Толстого представляет собой программу самосовершенствования, которая осуществлялась путём целеполагания и жёсткой самооценки. Даже в последние годы жизни Лев Николаевич не отказывался от требования сделать себя лучше. Эта нравственная работа осуществлялась с опорой на принцип диалога.

В традиционном восприятии дневникового жанра заметки толкуются как диалог с самим собой, как форма автокоммуникации. 7 июля 1854 года, в двадцатилетнем возрасте, Толстой делает интересную запись: «*Что я такое? ... Один из 4-х сыновей отставного Подполковника, оставшийся с семилетнего возраста без родителей под опекой женщин и посторонних, не получивший ни светского,*

ни учёного образования и вышедший на волю 17 лет, без большого состояния, без всякого общественного положения и, главное, без правил; человек, расстроивший свои дела до последней крайности, без цели и наслаждения проведший лучшие годы своей жизни, наконец изгнавший себя на Кавказ, чтобы бежать от долгов и, главное, от привычек...» [5, т. 47: 8–9]. Коммуникативная задача данной записи заключается в самоидентификации личности. М. А. Лаппо справедливо отмечает: «Дневник – жанр, наиболее приспособленный, как будто созданный именно для самоидентификации, то есть это такой текст, который, в отличие от всех других эго-документов, может существовать только для автора» [6: 245]. Процесс самоидентификации у Л. Н. Толстого связан с процедурами самооценки. «*Я дурён собой, неловок, необразован и светски нечистоплотен. – Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим ... и стыдлив, как ребёнок. – Я почти невежда. ... – Я не воздержан, нерешителен, непостоянен, глупотщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой. – Я умён, но ум мой ещё никогда ни на чём не был основательно испытан. У меня нет ни ума практического, ни ума светского, ни ума делового. – Я честен, т. е. я люблю добро... Да, я не скромнен; оттого то я горд в самом себе, а стыдлив и робок в свете» [5, т. 46: 8–9]. «Удивительно, как я гадок и как вовсе несчастлив и сам себе противен» [5, т. 47: 48]. Для самохарактеризации Толстой использует сниженную лексику: *скотина* [5, т. 47: 105], *свинья* [5, т. 47: 144], *дрянь* [5, т. 47: 148]. Себя писатель определяет как человека развратного, лживого, тщеславного, трусливого. «*Я имел несколько раз женщин, лгал, тщеславился и, что всего ужаснее, под огнём вел себя не так, как надеялся от самого себя*» [5, т. 47: 4]. Как видим из приведённых записей, пишущий использует преимущественно пейоративную оценочную лексику, для самохарактеристики прибегает к грубопросторечным, инвективным словам. Отрицательная самоидентификационная коммуникативная стратегия свойственна всем жизненным этапам Толстого. Степень экспрессии с возрастом, безусловно, понижается. Пишущий пытается определить главные свои недостатки. «1) Неосновательность (под этим я разумею: нерешительность, непостоянство и непоследовательность. 2) Неприятный тяжёлый характер, раздражительность, излишнее самолюбие, тщеславие. 3) Привычка на праздности. Буду стараться постоянно наблюдать за этими 3 основными пороками...» [5, т. 47,*

с. 6]. «Главный мой недостаток состоит в недостатке терпимости к себе и другим» [5, т. 47: 7] «Скромности у меня нет. Вот мой большой недостаток» [5, т. 47: 8]. «Я неисправимо мелочен и завистлив...» [5, т. 47: 16]. «...мой главный порок – робость. Надо дерзнуть». [5, т. 47: 156]. Оценочные тактики воплощаются в программу самосовершенствования личности, которая проявляется как в формулировании общих целей: «Надо делать мне 3 вещи: 1) образовывать себя, 2) работать в поэзии, 3) делать добро» [5, т. 47: 123], так и фокусировании внимания на частностях, например, на описании распорядка дня: «От 10 до 11 читать, до 12 ходить, до 2 писа(ть), 2–4 – читать, 4–6 писать, 6–7 читать, 7–10 писать» (2 мая 1858 года) [5, т. 48: 15]. «Тут и надо работать над собой. И немного нужно, чтоб закрепить это счастье. – 1) порядок, 2) деятельность, 3) решительность, 4) постоянство, 5) желание и делание добра всякому» (1 апреля 1861 года) [5, т. 48: 53]. Сформулированные цели проводят Толстого к определению своего жизненного предназначения: «Выбор давно сделан. Литература – искусство, педагогика и семья. Непоследовательность, робость, лень, слабость, вот мои враги» (6 октября 1863 года) [5, т. 48: 57].

Форма диалога с самим собой в некоторых случаях доходит до фазы номинативного расщепления личности. Пишущий определяет себя как третье лицо: Толстой, Лев Николаевич и др. Настоящий Толстой противопоставляет себя писателю, публичному человеку: «Толстой забирал силу надо мной. Да врёт он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта и гадкая и глупая» (11 апреля 1909 года) [5, т. 57: 47]. «Помни не о Льве Николаевиче, забывай эти гадости, а помни о Боге. Как поймёшь, кто-кто: Бог – то, благодать чего можно только чувствовать, а нельзя и понять, и Лев Николаевич, исполненный не только в прошедшем всяких мерзостей (Шувалов и пр.) – и Он. И ты помнишь о Льве Николаевиче и забываешь о Нём (14 сентября 1909 года) [5, т. 57: 138] «Хорошо молился, живо понимал своё ничтожество и не величие – величие сказать мало, а бесконечность – не гадины Льва Толстого, а существа, создающего себя Божественным» (22 июня 1909 года) [5, т. 57: 88].

Таким образом, диалог с самим собой, заключающийся в оценивании своих действий, порицании, поучении, целеполагании, является одной из форм саморазвития.

Толстой рассматривал дневник и как форму коммуникации с третьими лицами, читателями своих записей. Во-первых, он догадывался, что дневник читают его близкие, в частности же-

на. В дневнике можно найти записи, которые подтверждают данный факт. «... Должен написать, для неё – она будет читать – для неё я пишу не то, что не правда, но выбирая из многого то, что для себя одного я не стал бы писать» (18 июня 1863 года) [5, т. 48: С. 54].

В записях Толстой объясняет своё отношение к кому- или чему-либо, свои поступки. Дневник оставляет за ним право высказаться, повлиять на своего читателя. Фразы имеют объясняющий характер, в них чётко определяется адресность. Дневниковая запись приобретает форму скрытого диалога. «Кажется, что в этот день я звал жену, и она, с холодной злостью и желанием сделать больно, отказала. Я не спал всю ночь. И ночью собрался уехать, уложился и пошёл разбудить её. Не знаю, что со мной было: желчь, похоть, нравственная измученность, но я страдал ужасно. Она встала, я всё ей высказал, высказал что она перестала быть женой. Помощница мужу? Она уже давно не помогает, а мешает. Мать детей? Она не хочет ей быть. Кормилица? Она не хочет. Подруга ночей. И из этого она делает заманку и игрушку. Ужасно тяжело было, и я чувствовал, что праздно и слабо. Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную. Хотя ужасно жаль детей. Я всё больше и больше люблю и жалею их» (14/26 июля 1883 года) [5, т. 49: 113].

Приведём несколько записей об отношении с детьми. Допускаем, что эти строки написаны не только для того, чтобы выразить свои чувства, но и для того, чтобы изменить эти отношения в расчёте на то, что дети прочтут их. «...С Таней шёл домой и молчал. Тяжело мне было молчание. Так далеко она от меня» (28 марта 1884 года) [5, т. 49: 68]. «...Безнравственная праздность детей раздражает меня. Разумеется, нет другого средства, как своё совершенствование, а его-то мало» (8 июня 1884 года) [5, т. 49: 102] «Серёжа косил. Он невозможен своей самоуверенностью и эгоизмом» (26 июня/8 июля 1884 года) [5, т. 49: 107].

Расчёт пишущего на третьих лиц подтверждает тот факт, что с 29 июля 1910 года Толстой начинает вести дневник для самого себя. Характерно название дневника, подчёркивающее осмысление того, что дневник может быть предназначен другим и только себе. Именно этот дневник Толстой называет настоящим: «Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя...» [5, т. 58: 129].

Во-вторых, Толстой понимал, что после его смерти дневник может быть опубликован. Он становится средством формирования общественного мнения о писателе. Это

подтверждает борьба за дневник, возникающая между близкими Льва Николаевича, которые не желали, чтобы семейные тайны стали известны всем. Объектную направленность подчёркивают записи двадцатилетнего Толстого, открывающие скрытый диалог со своим поколением: «...беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть нечто иное, как следствие раннего разврата души...» [5, т. 46: 3].

Ещё одним собеседником Л. Н. Толстого в дневнике является Бог: «Я пишу теперь не для себя одного, как прежде, не для нас двух, как недавно, а для него» (5 августа 1863 года) [5, т. 48: 55]. «То, что будут читать этот дневник, портит моё отношение к Нему». (17 января 1909 года) [5, т. 57: 12]. Толстой записывает множество молитв, обращений к Богу, думает о нём, размышляет вместе с ним. Поиск формы самоидентификации выражается в создании Толстым собственных обращений к Богу. Он уходит от идиоматичного текста молитвы. Общение с Богом становится интимным, содержащим просьбу о помощи в нравственном самосовершенствовании. Семантической доминантой молитвы является добро, польза для других. Толстой исключает из молитвы то, с чем обычно обращаются люди к Богу – конкретные просьбы о материальных благах. «...Прошу, внуши мне благие предприятия и мысли, и дай мне счастья и успеха в них. – Помоги мне исправляться от пороков моих; избави меня от болезней, страданий, ссор, долгов и унижений. – Даруй мне в твердой вере и надежде на Тебя, в любви к другим и от других с спокойной совестью и пользой для ближнего жить и умереть. Даруй мне творить добро и избегать зла; но будет со мной добро или зло, да будет пресвятая воля твоя! Даруй мне добра, истиннаго!» [5, т. 47: 12]. «Боже! Благодарю тебя за Твое постоянное покровительство мне. Как верно ведёшь ты меня к добру. И каким бы я был ничтожным созданием, ежели бы ты оставил меня. Не остави меня, Боже! Напутствуй мне и не для удо-

влетворения моих ничтожных стремлений, а для достижения вечной и великой неведомой, но сознаваемой мной цели бытия» [5, т. 47: 42]. Лев Николаевич подчиняет себя Богу, служение которому он трактует как главное предназначение своей жизни: «Господи, помоги мне быть с тобой, не переставая сознавать только твоим работником». [5, т. 58: 4]

Таким образом, дневник Л. Н. Толстого представляет собой неоднородное жанровое образование, что обусловлено целями записей. Пишущий расширяет функции дневника, рассматривая его не только как диалог с самим собой, но и с другими лицами, с Богом. Дневник отражает переход от автокоммуникации к субъектно-объектной (традиционной) коммуникации. Эта особенность определяет выбор коммуникативных тактик, стилистику дневника. Будучи полижанровым образованием, дневник Толстого включает в себя такие субжанры, как хроника, объяснение, молитва, рассуждение, упрек, обвинение и др. Полижанровость дневника объясняет его полифункциональность: дневник фиксирует мысли и чувства пишущего, выступает средством снятия стресса, планирования жизни и др. На наш взгляд, интегрирует субжанры, включённые в дневник, стратегия самоидентификации личности. И. И. Загидуллина и М. Ю. Михеев отмечают: «Ведение дневника, т. е. текста, обращенного к самому себе, непосредственно связано с проблемой сознания, точнее, самосознания, а эволюция дневника как жанра обусловлена процессом самоопределения человека по векторам «я» и история, «я» и государство, «я» и общество» [7: 142]. Основным назначением дневника для Льва Николаевича является стремление понять и совершенствовать себя. Этот многолетний труд Толстого представляет огромный интерес как для обычного читателя, так и для специалиста. Благодаря внутренней дисциплине, способствующей систематическому ведению дневника, это произведение Толстого отразило историю человеческой жизни в аспекте её повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Семиясфера. СПб. : Искусство – СПб, 2000. 704 с.
2. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия XIX–XX). М. : Водолей-PUBLISHERS, 2007. 264 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М. : Intrada, 1999. 415 с.
4. Арустамова А. А., Виноградова К. В. Дневник К. В. Ивановой : автор и текст // Филологические заметки. 2015. Т. 1, № 13. С. 257–253.

5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : РГБ, 2006.

6. Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 515 с.

7. Загидуллина И. И., Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 142–144.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosfera]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000. 704 p. (in Russian).

-
2. Mixeev M. Yu. *Dnevnik kak e'go-tekst (Rossiya XIX–XX)* [Diary as ego text (Russia XIX–XX)]. Moscow, Vodolej-PUBLISHERS, 2007. 264 p. (in Russian).
3. Ginzburg L. Ya. *O psixologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow, Intrada Publ., 1999. 415 p. (in Russian).
4. Arustamova A. A., Vinogradova K. V. Diary of K. V. Ivanova : author and text. *Philological Studies*, 2015, vol. 1, no. 13, pp. 257–253 (in Russian).
5. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t.* [Complete Works : in 90 vols.]. Moscow, RGB Publ., 2006. (in Russian).
6. Lappo M. A. *Self-identification discourse of the Russian elitist language personality*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2018. 515 p. (in Russian).
7. Zagidullina I. I., Mixeev M. Yu. Diary as ego text (Russia XIX–XX). *Ural Historical Journal*, 2009, no. 3 (24), pp. 142–144 (in Russian).
-

Поступила в редакцию 21.04.2021; одобрена после рецензирования 08.06.2021; принята к публикации 23.06.2021
The article was submitted 21.04.2021; approved after reviewing 08.06.2021; accepted for publication 23.06.2021